

Додатокъ къ 7-мѣс Нѣмѣрѣ „ЛІСТКА“ 1891.

Полезныѧ знанїа для оугро-рѣсскаго народа.

Ци не правда, — вѣдь вы, дорогіи братъя, хотѣли бы счастливыми быти; нѣтъ и не можетъ быти ни единогѡ человѣка между вами, который бы не желалъ себѣ счастїа. Но іїе иначе и быти не можетъ, ибо Тотъ благїй Творецъ, который насъ отворилъ, закѣпилъ въ сердца наши желанїе счастїа и блаженства. Всѣ мы не лишь хотимъ, но и измагаемся счастливыми быти, гонимся за счастїемъ: непремѣнно хотимъ, дабы намъ ладно и добро было.

Вы сами видите, что наибольшимъ ворогомъ вашегѡ счастїа есть паленка. Въ которой хижѣ паленкѣ пьютъ, гдѣ газда, газдина, либо и челядь пьянствуютъ, тамъ не можетъ быти ни счастїа, ни блаженства. Знаете ли, добрїи люде, что въ такой хижѣ бываетъ? — Свады, гойки, крики, бойки, безобразїе, нехаръ, свинство — худобство; въ такой хижѣ несчастье, пекло.

Се се вшитко правда, вы се дѣже добре знаєте, а єднакш такъ тратитеся надъ паленкой. Що вагъ не можетъ быти купли безъ алдомашѣ (могорычъ), безъ паленки; коли дакто дачто продастъ или купитъ, онъ непремѣнно долженъ швалитися и жертвѣ принести жиць то есть чортѣ. Трафитса, что дако ли свадитеся, — миритса шпать при паленцѣ; дабы жиць и изъ вашегш миѳ маль хосенъ. Коли оу вагъ празникъ, коли свато — то свато и не свато, празникъ и не празникъ безъ паленки; даже коли погтите, кучеромъ на „погтикъ“ непремѣнно мѣгите мати паленкѣ. Коли погрѣбаете оумершаго, — и тробиѣ праватъ за паленкѣ, и гамѣ коплють за паленкѣ, и кресты нигдѣ за паленкѣ, и комашню штправляютъ съ паленкой. Якъ бы того прѣмно было Богъ, коли люде ходатъ такъ маслаговатїи рыбы, и такъ бы паленка пользовала душѣ оумершаго и выгвождала ее изъ мѣста мѣченїя.

Со крестинахъ, гостиныхъ, ш свадьбахъ нечесши и говорити. Вы всѣ такъ держите, что не было и гостины, коли гости не росходилися пьянїи.

Но найсмѣтнѣйше то, что коли дакто бѣдный, худобный закличетса на вагъ, на примеръ даака вдовица, дабы егже поратовали

— разорали тамъ нивкѣ, вывезли гною, или
привезли сѣно, скатье: — то вы и тогда не-
премѣнно требуете алдомашъ (могорычъ); та-
оуже, дорогіи братья, коли хотите да что доб-
рагш сдѣлати въ имѧ Божіє, то дѣлайте въ
имѧ Божіє, а не за паленкѣ! — Видите,
коли поратуете кѣдномѣ, доброе дѣло го-
вѣршаєте, которое Отецъ Небесный не шта-
витъ вамъ безъ нагороды; — а коли вы
требуете алдомашъ за доброе дѣло, та оуже
и дотаили свою нагороду. Та ци вы за по-
гарчикъ паленки штдаете дїаколѣ тово до-
брое дѣло, которое могло бы где-колись
быти вамъ на пригодѣ?

Коли никто изъ васъ не можетъ юлинѣ-
катиша къ томъ, что паленка штдалаетъ шть
счастья, шть благополучїя; коли видите, что
паленка дѣлаетъ васъ худобными, дѣти ваши
богими, голыми, нищими; коли знаете, что
паленка штдалаетъ васъ и шть царства Не-
беснагш, ибо нигдѣ и николи не творитса только
грѣхъ, такъ при паленцѣ, пьянствѣ даже само-
въ себѣ есть головный грѣхъ, изъ которагш,
такъ изъ корна, вслакий грѣхи родятся; коли
знаете, что пьянство есть и тѣшнала и вѣчу-
нала погибель ваша: вопросую васъ — для
чегш вы єднакш не штреуетесь паленки? для чегш

ТАКЪ ЛЮБИТЕ ПЬАНСТВО? ДЛА ЧЕГШ БЫ НЕ МОЖНШ,
ПРИ КБПЛИ, ШБОЙТИСА БЕЗЪ ПАЛЕНКИ? ДЛА ЧЕГШ
БЫ НЕ МОЖНШ, „ПОСТНИКАТИ“ БЕЗЪ ПАЛЕНКИ? ДЛА
ЧЕГШ ПХАТИ СВОЙ КРОВАВЫЙ ГРОШЪ ЖИДВ ВЪ
КЕШЕНЮ?

А ПРИ ПОГРЕБЕНІЯХЪ ОУГОПШИХЪ, ДЛА ЧЕГШ
ПИТИ И ТѢМЪ БОГА ГНѢВИТИ? ГРОБАРЕЙ МОЖНШ
БЫ НАЙТИ И ЗА ГРОШИ, И ТРДНА ГОТОВИЛАСА
БЫ ЗА ГРОШИ, ТАКЪ ОУ ДРБГИХЪ ШБРАЗОВАН-
НЫХЪ НАРОДШВЪ, А НЕ ЗА СМЕРДАЧВ ПАЛЕНКВ. ПО-
СТАВЬТЕ СЕБѢ, БРАТЬЯ, ВЪ СЕЛѣ ГРОБАРЕЙ, И ШПРЕ-
ДѢЛИТЕ, ЧТО ШТЬ ВЕЛИКОЙ ГАМЫ БДЕТЬ МАТИ
ЗОЛОТОВКВ, ШТЬ МАЛОЙ ГАМЫ МЕНЬШЕ, И ОУКИ-
ДИТЕ, ЧТО КОПАНІЕ ГАМЫ ПРІЙДЕТЬ ВАМЪ ДЕШЕВШЕ,
ТАЙ ГРОБАРЮ БДЕТЬ ХОСЕНЪ, КОЛИ ДОСТАНЕТЬ
ГРОШИ; А ИЗЪ СМЕРДАЧОЙ ПАЛЕНКИ НЕ МАЕТЬ НІА-
КОЙ ПОЛЬЗЫ.

ПРИ ПАРАСТАСАХЪ И ПОМИНКАХЪ Ш ОУГОПШИХЪ,
КОЛИ ДАЕТЕ ШБЕДЪ, ШПАТЬ МОЖЕТЕ ШБІГТАТИСА
БЕЗЪ ПАЛЕНКИ. ПАЛЕНКА НЕ ЧТОБЫ ПОМАГАЛА, НА-
ПРОТИВЪ ШКОДИТЬ ДВШИ ОУГОПШАГШ, ИБО ПАЛЕН-
КОЮ БОГЪ НЕ ОУМИЛОСТИВЛЯЕТСА, — А ШБРАЖДЕТСА
И ШБКОРБЛЯЕТСА. НИЩІИ, КОТОРЫХЪ ВЫ ЗВЫКЛИ
ЗАЗВАТИ НА ТАКІЙ ПОМИНОКЪ И НА ТАКІЙ ШБЕДЪ,
ЗАЙДВТСА ПРО ПАЛЕНКВ. ЛЧУШЕ, ЕСЛИ ТѢ ГРОШИКИ,
КОТОРІИ МАЛИ БЫ-ЕСТЕ ВЫДАТИ ЗА ПАЛЕНКВ,
РАЗДѢЛИТЕ МЕЖДВ НИЩИМИ, ТАКЪ МИЛОСТЫНЮ

(алмажнѣ). Сїе будеть прѣмно Богъ, и многож будеть пользовати дѣшамъ вашихъ оукопшихъ.

Коли дѣлаете доброе дѣло, коли помогаете бѣднымъ, вдовицамъ и сиротамъ: — разорите никочекъ, вывезьте гной, привезьте домѣ сѣать, и проч., шпать не лишь не требуйте алдомашъ; но прогтш скажите, что вы вокї не будете пити паленки; ибо вы хотите помочи бѣдномъ не за паленкѣ, но изъ христіанской любви!

Если такъ будете творити, тогда не пропадуть ваши добрыя дѣла, — не оукрадеть ихъ шть вакъ дїаколъ, и колиъ получите шть Бога милости, ибо и вы были милостивы.

Не разорайте — братъя — свое счастїе паленкой! Многож больше было бы счастливыхъ людей на свѣтѣ, кобы штреклися паленки.

Многїи наши братъя въ Галичинѣ ознали оуже, что паленка ихъ губить, для тогш лишилися паленки, и зачали шиновати шбіщества тверезости. Со сихъ шбіществахъ заговорю вами ближайше.

„Господи помилуй, Господи помилуй,
Господи помилуй!“

Не можетъ быти шть насъ талкійшагш голоia ко івомѣ Господѣ и Богѣ, икъ тотъ, когда мы взываемъ:

„Господи помилуй!“ Симъ изъаклаемъ мы, что мы ничтожны, что мы грѣшны, что мы недостойныѧ сткоренїѧ Божії; что лишь изъ милости Божіей можемъ жити и спастися. Якъ бы егъе говорили: Господи! мы къ грѣхахъ, въ недостойностяхъ икоемъ пропадаемъ, смилийся надъ нами! О, еслибы кы сердцемъ перечувствокали, христіане, тотъ мысль (или тѣ гадкѣ), который заключенъ тъ тими двома словами: „Господи помилуй!“: сердце каше отгрѣха бы чвѣсткомъ оумиленїѧ, и душа каша такъ близъ подошла бы къ Богу!

Тѣтъ три разъ говорите кы „Господи помилуй!“ ибо прикагаєте ко кѣмъ тремъ Осогамъ пресвятых Тройцы. Якъ кы есте говорили: Боже Отче смилийся надъ нами, Боже Сыне смилийся надъ нами, Боже Дѹше Свѧтый смилийся надъ нами!

„Отче нашъ“!

Приходимъ къ той молитвѣ, которю мы єще въ младенчествѣ икоемъ, коли єще ледва знаемъ говорити, изъ некиннаго сердца подносимъ къ Отцу нашему неизномъ.

Сїа єсть междѹ всѣми молитвами первая и главнѣйшая наша молитва. Ибо сїя молитвѣ научилъ насъ самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, да чегш ії молитва и назыкаетса молитвою Господней.

Молитва Господня, или Отче нашъ говорится такъ: „Отче нашъ, иже еси на небесахъ, да святитса имѧ твоє, да прїидеть царствіе твоє, да будетъ воля твоя, якѡ на небеси и на земли. Хлѣбъ нашъ насущный да ждъ намъ днесь: и

штаки намъ долги наша, ико же и мы штакаемъ должникамъ нашимъ: и не квѣднисъ ко искушенїю: но избави насъ ѿ лѣкагѡ. И кш ткое есть царство, и сила, и слакаво вѣки. Яминь.“

„Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ,“ими словами начинаемъ мы Господню молитву. Бога называемъ мы Отцемъ івонимъ. Великаѧ то милость, что Богъ позволаетъ намъ называть Себе Отцемъ нашимъ. Сюю милость заслужилъ намъ Іисѹсъ Христосъ, Онъ премирилъ насъ съ Богомъ и сдѣлалъ насъ, по благодати, сынами Божиими. Но когда мы называемъ Бога Отцемъ івонимъ, оусливемся ли быти достойными дѣтьми Его? Стрекли-ли мы сѧ ѿтъ євты земной и пожеланій тѣла? Вознесися-ли мы на небеса оумомъ и сердцемъ, гдѣ есть Отецъ нашъ небесный? Ибо если мы приклѣпимся къ земли, и творимъ дѣла земнаѧ, а не небеснаѧ, — тогда намъ недостойно именовать Бога Отцемъ івонимъ.

„Да святится имя Твоє,“ єсть первое прошенїе въ молитвѣ Господней; въ немъ говоримъ: Отче нашъ небесный! да ради, чтобы мы не лишь называлися христіанами, чтобы не лишь носили имя Твоє, но и жили такъ, чтобы въ насъ святилося имя Твоє.

„Да приидетъ царство Твоє“ єсть второе прошенїе въ молитвѣ Господней; въ немъ проимъ, чтобы мы жили въ мирѣ, въ братской любви, чтобы наши рѣководили тѣ законы, котории даны Іисѹсомъ Христомъ, и на которыхъ основано царство Божіе. Зачѣмъ царство Божіе на земль есть церковь Христова, то въ семъ про-

шени просямъ и тогш, чтобы церковь и вѣра Христова
чѣмъ лѣчше ширилася на землѣ; а зачѣмъ и небесное
царство славы есть царство Божіе, то къ сей прошенїи
и тогш просямъ, чтобы Отецъ небесный пройдѣ на насъ и
къ царства славы Своей небесной.

„Да будетъ воля Твоя, якъ на небеси и
на земли“, продолжаемъ молитву въ молитвѣ Господній. Значитъ: Отче нашъ, даруй намъ благодать, чтобы
мы ко всемъ могли исполнати волю Твою! Отче, хотѧ
никто не можетъ противостояти волѣ твоей, ибо „Богъ
нашъ на небеси и на земли віа єліка вогодотѣ,
соговори“; но мы, якъ скободою ѿдаренныѧ іущества,
часто ходимъ въ желанїи сердечъ нашихъ. О, не допусти,
Всеблагий, чтобы мы творили волю твою, и тѣмъ во-
вергли сїбе въ погибель; но дай, чтобы мы всегда хотѣли
лишь то, что Ты хочешь, и дѣлали лишь то, что бла-
гододно Тебѣ!

„Хлѣбъ нашъ наіущный да даждь намъ днесь“. Не
просимъ богатства, нѣтъ; но лишь только, сколько
необходимо для нашегш житїя. Хлѣбъ нашъ наіущный,
тотъ хлѣбъ, безъ которагш бы мы не могли жити,
безъ которагш бы умерли съ голодомъ, дай намъ днесь,
толькѡ днесь; не только, чтобы сыпали въ житницы;
но лишь только, сколько нѣжнш на столъ завтрашиагш
дня. Но зачѣмъ мы стоимъ изъ дѣши и тѣла, то
Отче благий, дай намъ и хлѣба душевнагш; дай, чтобы
дѣша наша корнилася скромнѣ твоими, и допусти, чтобы
мы сїдѣлиса причастниками честнагш Тѣла и животко-
рующїй Крови твоей!

III. Садоводство.

Хотя стонть: „ЧТО ДРЕВО, НЕТВОРАЩЕЕ ПЛОДА, БЫВАЕТЪ ПОГІБАЕМО И ВЪ ОГНЬ ВМЕТАЕМО“; но сей приговоръ рѣдкѡ исполняется въ жизни обыденной, ибо на неплодности дерева можнѡ помочи и заставить его родити. Причина не-брожайности дерева земля (почва), воздухъ и лѣгкія штношенїя, а частѡ насѣкомыя, черваки, мохъ, плесневатыя грибки, а огненниш нерадѣнїе газы, который не старается ѿ свое дерево, его неочистить, а такжю потомъ и пользѹ изъ него имѣеть! Ходя подъ нашими садами, частѡ встрѣчаемъ яблонь, грушъ, сликъ, въ такомъ мизерномъ, залишенномъ состоянїи, что жаль на него посмотрѣти!... Представьте себѣ дерево изъ кнѣтры дѣглавое, на кершинѣ котораго одинъ конаръ (голдзъ) совсѣмъ высохъ, а на другомъ краѣдетъ зеленое помело (fagylalka); шть ствола (арика) ростуть єдинї лѣтотравы (fattyuhajtások), на подобіе долгихъ, простирающихся такъ скѣча, тѣчныхъ палицъ; шни же не растутъ и высыхаютъ всю жизненную влагу изъ дерева, но зато ни цвета, ни плода шть нихъ не бѣтъ. — Я коли посмотримъ на споднюю часть дерева, тамъ изъ корена снова ростуть 4—5 такъ тычки — лѣтотравы; они уже имѣютъ видъ не гладкій, такъ тѣ, что на конарахъ горѣ; но тернистый, ибо ростуть изъ сподъ, шть корена такого дерева, которое предъ тымъ было лигница (планка) или дикое дерево, въ которое, послѣ егш посаженїя, была прикипленна благороднагш корта голдзка. Всѣ тѣ выростки нишають дерево, высыхаютъ изъ него жизненный юкъ, недопускаютъ цветти и плодъ приносити.

Ікак тутъ тагота для размнагш газы, приставити къ дереву лазико (лѣстницѣ), вылезти на-верхъ: штпилити єхъю кѣтвъ, голдзы, помело (фадьлялкѣ) сломити и сверечи на землю, рогтвщіи изъ корена бодаки при корени штробити, а также бѣйнїи лѣторасли (fattyuhajtások) по-при кожи штпилити — и такимъ спо-гомъ єздное дерево шчинити, шхрестанити. Потомъ взяти мотыкѣ, шткопати пажить (травникъ) изъ-по-верхъ корена, чтобы солнце и дождь шквѣжили его, и дали ємъ больше влаги, для питанїя верхной части дерева. Такіи шткрытїи корени шдобрити накоэомъ (гноемъ), или перегнитымъ смѣтковищемъ; вѣдь на смѣтью находятса настоащїй гной, шть тѣхъ кеци, которїи вымѣтуются изъ хижи: такъ попѣль, сажа, помон, шкроѣзки шть растенїй и другїи кеци, которїи когда перегниютъ, стаютса гноемъ, спо-гомъмъ оудобрити корень дерева. Потомъ корень дерева снова закрыти мѣлкою глиною.

И. Васильевичъ.

Разсказы и сокѣты дѣда Данила.

Въ селѣ Т. . . . христіанскїй народъ на праздникъ Благовѣщенїя выходилъ изъ церкви. День былъ прекрасный, марне солнце теплыми лучами шыпало оуже подсыхающю землю, и кеселш оумѣхалога на вставшю къ новой жизни природѣ. Въ воздухѣ птички щебетали, и до оуха доносила крикъ таинственныхъ кырокш въ воздухѣ жбракокъ. Люде почувствовали въ себѣ новую жизнь, радовались керновшенню при церкви, чтобы мало побѣдовати.

Но, ш чемъ звыкли люде говорити?

Каждый вспоминаетъ ш ікоей бѣдѣ и ш ікоемъ нечастї. Коли благовѣщенїа и хлѣба мало, и паши недоходитъ, и приходитъ тарь, а оу єдногш нечѣмъ орати, оу другагш нѣтъ настїна, оу третьягш негдѣ сѣсти. Єсть чѣмъ жаритися, и есть ш чемъ и говорити.

— Я не знаю оуже, такъ дѣлiti тотъ Божью землицю, — заговорилъ Игнатъ Дереваничъ, оу которагш кили два женатїи сыны, а и зать. — Сыны юбѣ рѣдть, а зать юбѣ; и менѣ бы єще дашто треби; бо и оу мене дрокнїй дѣти. Чѣмъ ихъ бѣдѣ годовати, — коли кшиткой земли лишь една полковьмина?

— Такъ того и оу мене, — што звался Филиппъ Швайда; — кшиткогш не зайде на день орати, а изъ тогш год旣 дѣти, плати коблинъ и порцїю! Богъ має изъ чогш платити.

— Сїй мы мѹсиле на бѣдѣ прїйти, та ростешиа по івѣтѣ — што звалъ Игнатъ; — видитъ Богъ, что не изъ чогш жити. Тота коміссацїа привела народъ на бѣдѣ. Паны по отбиралі земли, лѣсъ, паковое — та теперь жїй изъ чогш хочешь, а податы давай!

— Не того наша бѣда, нѣтъ, — што звался дѣдъ Данило, — видишъ Игнатъ, люде множатса, а земля дѣлится, ти такъ бы она годна людемъ кормити? У твоегш дѣда было косемъ косынина, — раздѣливъ ихъ между четырьмя сынами, та єдномъ оупалоа оуже лишь по двѣ косынины; оу твоегш отца были опять четыри сыны, та тобѣ зашла оуже лишь половина косынины. Люде множатса, а земля нѣтъ.

— Та такъ томъ помочи?

— Ікъ? та треба діякъ и ишакъ хлѣба гладяти,
а не чекати кшитко ѿтъ землѣ.

— Ба дѣдь, айбо коли хлѣбъ родится лиши въ
землї!

— Перебачь Игнате; ачей мбрники, колеги, сто-
лари, и дрѹгїи ремеселники не єдатъ хлѣба?

— Єдатъ, єдатъ, — айбо и ихъ хлѣбъ родится
въ землї.

— Родиться, родить въ землї; но они не при-
тинають на землю. Видишъ, они за свое ремесло достаютъ
красненькии гроши, — а за гроши есть кшитко, есть
и хлѣбъ — ба и не тенгеричаный или овсяный, ай
пшеничный!

— Я, — не дѣла рѹсина тово, ити на ремесло;
ремесло ведеся лиши швабамъ та жидамъ.

— Та ты оуже цѣлымъ быдломъ (скотомъ) дер-
жишь рѹсина, Игнате? коли такъ, та ты и самогш се же
держишь за быдло, бо и ты рѹсинъ. Айбо, кѣрь ми,
тото тобѣ лиши такъ видится, что рѹсинъ ни на что
непогонный. Иежи рѹсинами єсть дѣже честнїи и дѣже
добрїи ремеселники, лиши бѣда, что ихъ мало. Айбо, якъ оуви-
дите, что нѣтъ изъ чогш жити, якъ оувидите, что
землица васъ не годна кормити, тогда хопитеся вы и
до ремесла. „Надчитъ бѣда попити, якъ нечогоїа хо-
пити“. Ци не чудъ єсь сесю приповѣдкѣ, Игнате?

Тадь оно такъ, такъ; айбо коли рѹсикъ лиши все
рудиномъ, — а не видко, абы былъ майстромъ или паномъ.

— Тото лиши тобѣ не видко, Игнате, бо ты не
видѣль; а кто видѣль, томѣ и видко, тай тотъ не буде
дѣмати, что каждый рѹсинъ оселъ и болванъ. Ци знаєшъ
ты майстра Кобылака изъ Хуста? Ци не славный

КОВАЧЪ? КЕДЬ ЛИШЬ ТРЕБА ДАЧТО ДОБРЪ ЗРОБИТИ, ЦИ ТАМЪ ЖЕЛІЗНИЙ ПЛІВГЪ, ЦИ ПАНІСКІ БРИЧКІ, ЦИ КОЧКЮ (КОЛАІСКІ), ВСѢ ДО НЕГШ ИДІТЬ, И ОУЖЕ НИКТО ЛѢПШЕ НЕ ЗРОБИТЬ. — Ба, тами и не робитъ, лишь ходитъ и оуказдє івонимъ лег'єнамъ (подмастрамъ); живетъ сюбѣ по паніки, такъ дялкій колгабировъ. Я ци знаєшь Игнате, что панъ майстеръ Кобылакъ прогтогш рдискогш газды сынъ? Ё єш отца было многш дѣтей, такъ на примѣръ, и оу тебе; земли было мало такъ оу тебе; не что было дѣлити, бо, кедъ раздѣлитъ, самъ шестане безъ квіника хлѣба. Дѣмавъ, дѣмавъ, та и додѣмався и штдавъ сыншвъ на ремесло. Єденъ теперь ковачъ, а дрогій колесарь, оба живуть сюбѣ прекраснш. Извъ за ремесла купили сюбѣ и землю и панскїи domы. Землю свою старый штдавъ найменьшему сыну, — а дѣвкамъ изъ за земли наладивъ частъ; и такъ теперь всѣ дѣти мають свой хлѣбъ, живуть сюбѣ честнш и ладнш, та и земля шесталася цѣла, недѣлена. Треба бы подблати надъ імъ, честнїи газдове. Каждомъ бы такъ чинити, бо инишакъ всѣ шестанене жебрааками.

— Издрош вы дѣдѣ говорите, лишь тово бѣда, что до теперь не было такъ: отцы и дѣди наши не штдавали сыншвъ івонихъ на ремесла; мы привыкли лишь изъ за пліуга, изъ за мотыки жити.

— Давнш можъ было и изъ за іамогш пліуга и мотыки жити, а теперь не можъ. Теперь івѣтъ не тотъ. Теперь людей наможилося, и земля оуже не годна ихъ користи. Позирайте, честнїи газды, теперь желѣзницы, телеграфы, всіакїи машини! — Розумъ человѣческїй сеє вшилко покудмовакъ, абы дялкъ можнш было прожити. Нѣмцы не повышдмовали бы всіакїи штбки, кобы не мѣсли, когы ихъ земля годна животити.

— И такъ и мы мѣсime ити за нѣмцами? — ко-
пропилъ Игнатъ.

— Розумѣса, кѣдь не хочемъ пропасти тѣ лица
земли, та мѣсime.

— Тажко того, дѣдъ, залишити скони шбычан,
тажко, — сказаль Филиппъ Шдгайдя, — айко коли
иншакъ не можъ жити, та чолохѣкъ мѣситъ.

— Послѣдайте старого дѣда, честнїи газды; дакайте
сконихъ сыншвъ на ремесла и, оукидните, бѣде вамъ лѣп-
ший скѣтъ!

Нечерз.

Людкове штвичерали,
Молилися, полѣгали,
Ехъ селѣк вслїгды тиҳш было,
Нигдеразж сѧ не скѣтило.
Честни люде полѣгали,
Котри чрезъ день працovalи,
Лемж пїжки не лѣгаютъ,
Ехъ корчмѣ пїютъ, г҃лакаютъ,
Газдове барзъ сѧ стараютъ,
Же хлѣба, паши не маютъ,
Стараются во дни, вночи,
Трѣдни имж припирти очи,
Пїлакувъ жены вѣднатка
Проприкывали дитятка;
Яле сами не лѣгаютъ,
Мѣжевъ, пїлакувъ чекаютъ.
Ѣжъ колш полночи было
Ѣжъ лемж въ корчмѣ сѧ скѣтило;
Корчмары оужж сжновали
Пїлакувъ вонж кыдралали:
Дѣзэтъ мырчачи, дѣдрѣчи,

Гевж-тамъ сѧ затачоучи,
Наразъ брыдкѡ зарычали,
Люде со сна сѧ срывали,
Басиль выбѣгъ на оглицъ,
Шалъ въ рѹцѣ гробъ палицъ ;
Я лѹж, лѹж, лѹж по кѹмоки,
Кѹмъ гнеть пришолъ къ разумови,
Го-гшвъ кѹме што дѹмати,
Мабыти, мнѣ не знаете,
И пришолъ вамъ заспѣвати,
Такъ вышли съ-те мнѣ витати ?
Ты не кѹмъ, але потвора,
Идь до чорта сѧ могш дворя !
Честни люде спочиваютъ,
Не по но чахъ галакаютъ.
Кѹме, кѹмциу, разумъ майте,
Не сердктеся, не гнѣвайте,
И согрѣшилъ, перебачте,
Отпѣстити винъ рачте !
Идьте же сѧ Богомъ кѹмочкъ,
Поздравте свою женочкъ,
Жебы ничъ сѧ не старали,
Бо вы вечерю достали.
Ей даљ ты ми вечеряти,
Будь долгш памятати,
Палица сѧ поламала,
Добре ли вечерю дала.
Могъ женѣ покѣдати,
Икъ ты ми даљ вечеряти,
Маю на хребтѣ колбасы,
Затамлю то долги часы.
Иванъ такъ ишолъ дѹдрѹчи,
Ко домови ст҃каючи,
Жена двери штворяла,
Я мѹжа сѧ звѣдовала :
Што такъ ст҃кашъ газдо милый ?
Ячей тѧ да гдє побили ?
И дотеперь тебе ждала,

Бечерю-мж ти шткладала.
Дай ми покой, іа оужж сътый,
Іхх! іа страшечнш побитый,
Лемж стель скорш: мвшш лечи
Пообзирай хребетъ, плечи.
Жена съ мвжа гвню снадла,
Я пакж чересж штпасала,
Керпци не казалж снимати,
Лемж скорш ранды мачати.
Ікж хребетъ пообзирадла,
Та нар'ккати почала:
Мвжж, мвжж, што ты сробилж?
Же ктось тебе оужъ такж побилж!
С'тпов'ди нечекала,
Наскорш ранды глдадла,
До зимной воды мачала,
Я на хребетъ прикладала,
Веце разж ранды мачала,
И на хребетъ прикладала.
Іванж ст'вкати пересталж,
Дрималж дрималж, та и заспала.
Іванж оужж спитъ, але жина
Плаче вздыхатъ, розжалена:
Стигне онж звбы звати,
Ікже іа бздв капати,
Правда, же кедъ ся напіс,
Та нерараз менешибе;
Але что же мамж чинити:
Помогатъ кормити д'ти.
Ікже бы іа газдовала?
Кедъ бы іа мвжа немала?
Бо прецл онж на хл'бъ робитъ,
Хоть и до той корчмы ходитъ.
Б'єда, преб'єда на св'єтъ
Ех пілчинскомж мвжомж жити,
Егш жена трапеница
Превелика мвченница! — (1890.)

Я. П.

